

ВОЛКИ В ПСИХУШКЕ

18+

Дмитрий Арсеньев

Дмитрий Арсеньев

Волки в психушке

«Автор»

2019

Арсеньев Д.

Волки в психушке / Д. Арсеньев — «Автор», 2019

Черный волк зла против белого волка любви. Поможет ли любовь вырваться на свободу из психбольнице? Основано на реальных событиях.

© Арсеньев Д., 2019

© Автор, 2019

Дмитрий Арсеньев

Волки в психушке

Здесь главное не пропустить поворот. Главное не пропустить. Просека всегда появлялась неожиданно.

Нежданно, как шанс влюбиться. Вы хотели бы влюбиться? И не только вы. Миллионы людей совершают одну и ту же ошибку. Они ищут. Ищут, ищут, ищут. А когда ты постоянно в безрезультатных поисках, то постепенно становишься озабоченным, нуждающимся. Таким никто не подаёт: ни люди, ни судьба. Любовь приходит только к тем, кто перестаёт её искать.

А посему я просто расслабился, и в нужный момент нога сама прижала педаль тормоза, а руки сделали синхронное движение вправо. Тело стало подтанцовывать на ухабах в такт подвеске. Есть всё же плюс в неновой машине. Сейчас клиренс делают совсем крошечным – дань моде и подражанию гоночным автомобилям из «Форсажа».

Всегда плохо осознавал тот момент, когда нужно остановиться. Почему именно в этом месте? Потому что я знаю. Мозг беспричинно даёт телу команду. Да. Здесь.

Батарейки фонаря ещё тянут, но светит он уже слабо, в метре от меня деревья сливаются с тьмой.

Шаг, шаг, шаг. Лес даёт пощёчины ветками-ладонями, пытаюсь остановить, вернуть разум, повернуть тело назад, к чёрному силуэту оставленного авто.

Я ощущаю уже физически прибавление луны в небе. Оно ещё не заметно на глаз, но тело уже трепещет, предвкушает, ожидает с нетерпением. Нетерпение каждой оставшейся минуты, каждого гулко-го биения сердца, каждой новой дрожью в мышцах.

Ах! Чёрт! Дух земли сбил дыхание. Ткнул носом в прелую листву. Фонарь отлетел в темноту, высвечивая где-то сбоку тоскливый жёлтый круг. И чёрт с ним. Надо подогнуть колени под себя. Вот так. Мне нужно лишь сделать, то, на что у древнего человека ушли тысячи лет. Подняться. Да! Разогнуться. Да! И идти.

Идти, пока чувствую путь. Мне уже не нужен свет.

Вот здесь. Круг в небе почти ровный. Необходимо успеть. Курта, джинсы, рубашка. Пальцы путаются в складках ткани. Рывок, и пластмассовые бусинки пуговиц канули в темноту. И хотя на мне уже нет никакой одежды, ночная прохлада совсем не ощущается. Лишь нетерпение. Теперь надо сесть на колени и ожидать. Вздрыгнувшие волосы на прижатых к телу руках покалывают иголками. Я жду. Жду её.

* * *

– Ростислав Валерьевич. Дмитрий мне не чужой человек, а друг. И мой друг должен лечиться в хороших условиях. Вы обещали ему лучшую палату. Я её оплатил. Щедро, прошу заметить. Почему же он в обычной?

Марат в бытность свою дослужился до полковника полиции. Причём путь начал с самых низов. За эти годы его взгляд приобрёл нужную твёрдость, что даже бывалый главврач отводил глаза.

– Марат Абрамович, уважаемый, поверьте, всё, что мы делаем – только во благо вашему другу. Вы наверняка в курсе его маний. Палата-люкс, к сожалению, находится на скажем так, лунной стороне, что при ясной погоде вызывает у вашего товарища определённый невроз. А какая альтернатива? Только транквилизаторы. Думаю, вы согласитесь, что лучше мы переведём его в палату попроще, но с другой стороны здания, оставив улучшенный режим кормления и ухода, чем будем усугублять процесс лечения описанными мною факторами?

Марат выдохнул и на несколько секунд уставился в зарешеченное окно, за которым тревожно мелькали под майским предгрозовым напором ветра ветки. Ливень приближался, как и обещали синоптики.

– Какие прогнозы доктор? Я вижу, что Дима уже вполне адекватен, но вы-то врач, вам виднее. Что скажете?

Чем меня всегда немного нервировал главврач, так это бегавшим взглядом. Странновато, конечно, для психиатра, но стоит просто поставить себя на его место. Пройти мысленно путь от студента – практиканта до начальника больницы, где вся эта дорога усыпана конвертами от родственников пациентов (а иначе и не выжить). Тогда легко понимаешь, суетливые скачки его глаз, тот еле заметный вздох облегчения, что вылетел из уст Ростислава Валерьевича при виде очередного подношения от моего товарища.

– Буквально две-три недели, уважаемый Марат Абрамович, и вы сможете забрать своего друга совершенно здоровым. На счёт этого у меня практически нет никаких сомнений.

Марат удовлетворённо кивнул, пожал врачу руку, и через секунду дверь захлопнулась за его широкой спиной. Я ожидал друга в коридоре, облокотившись на пластиковый подоконник.

– Пойдём Дима, проводишь меня немного. Скоро заберу тебя. Ты главное лечение принимай, какое назначили. Пьёшь таблетки, не выкидываешь?

– Нет, Марат делаю, как ты сказал. Что он ответил?

Мы остановились перед самой решёткой, за которой стоял охранник. Марат ещё раз хлопнул меня по плечу, и шагнул в мир, где властвовал ясный разум здоровых людей, которые, впрочем, просто не знали степени своей шизофрении.

– Через пару недель будем кушать с тобой шашлык, дорогой.

Охранник достал из сейфа пистолет в наплечной кобуре, осторожно протянул его Марату.

– Спасибо, что приехал, Марат.

Я развернулся, мельком глянув на древние настенные электронные часы с огромными зелёными цифрами. Через полчаса обед и таблетки. Надеюсь, и в этот раз я снова сумею их не проглотить.

* * *

Твои глаза издалека кажутся двумя хищными звёздами, готовыми погубить своим притяжением доверчивых астронавтов. Но вблизи они уже были полны желтизной луны, приправленной зеленоватой темнотой дикого леса. Даже если мне захотелось, я бы не смог бежать. Только первое прикосновение даёт эту возможность – снять оцепенение.

В самый первый раз мне показалось, ты целую вечность стояла и смотрела. Не шевелясь. Лишь маленькие струйки дыхания с определённой частотой окутывали нос, через мгновения бесследно растворяясь в воздухе.

Подошла ко мне совсем близко. Ноздри раздуваются, втягивая, исследуя, пробуя запах моего тела. Когда в самый первый раз я невольно дёрнул головой, ты оскалила свои клыки, такие ослепительно белые в темноте. Верхняя губа скользнула вверх. Может ты смеялась надо мной? Но знакомо ли зверям чувство юмора? А может ты злилась? Может и так, ведь в хищном обличии ты знаешь, что такое ярость.

Ещё немного ближе. Твоё дыхание так знакомо касается моей кожи на шее. Чуть вверх, да. Я изнемогаю. Быстрее!

А-х-х-х-х! Резцы сомкнулись на мочке уха, сжали её слегка, чтобы тёплые капли побежали на твой язык, падали с пасти на холодную траву и, щекоча рецепторы кожи, сбегали в ямочку ключицы.

Моё тело касается твоего нежного меха. Поскуливание превращается в тихий стон. Шерсть искрится, переливается в темноте яркими маленькими вспылками, растворяется в воздухе. Теперь я чувствую твою слегка прохладную кожу. Изящный, будто светящийся в ночном свете силуэт. Матовые, плавные линии твоего тела. Глаза-миндалины, уже почти человеческие, лишь глубокий цвет жёлтой луны неистребим, удерживает в тебе истинную ипостась Зверя. Губы мягкие, а волосы ускользают сквозь мои пальцы, шелковой неподвластной рекой. Тысячи красавиц испытали бы зависть к их нежному потоку, если бы хоть на миг увидели тебя.

Господи, если это безумие, то я не хочу возвращаться к разуму! К той серой реальности прошедшего времени без тебя. Ведь теперь ты даришь мне почти бессмертие, но такое мучительное. Месяц длится вечность и страшно подумать о сроке в год.

Прошлогодня хвоя, маленькие травинки, крошечные букашки, копошащиеся в земле – всё ощущается мягчайшим ковром.

Ты даёшь мне только секунду вдохнуть, втянуть твой запах, и снова сплетение языков, касание губ, прикосновения, лёгкие влажные мазки где-то внизу заставляют кровь кипеть. Уже сама подо мной, на ковре из листьев. Уже мой стон переходит в рык. Но у моего Зверя нет клыков. Его оружие – он сам. Терзает твоё тело своим. Вбивает его в мягкий ковёр прошлогодней листвы. Двигается в такт нашим сердцам.

Мне хочется вжаться, вселиться в тебя, ослепить твою тёмную сторону ярким жарким светом ближайшей звезды. Расплавить тебя. Слиться с тобой. Двигаться вглубь этих недр со скоростью света. Выплеснуть в бескрайнюю пропасть твоего желания миллиарды частиц моих инстинктов. И когда мне будет уже не под силу остановиться, ты распахнёшь свои глаза. Звериные зрачки на миг сузятся в тонкую щель, поймают моё тело в крепкий захват, выдавливая, впитывая в себя желание. И лишь затем превратятся в огромную чёрную бездну, куда мой разум с измученным стоном провалится, и будет падать бесконечно долго вниз, без надежды достичь когда-либо дна...

Я очнулся от дрожи в теле. Листья на деревьях уже не могли сдерживать напор дождя и уступили под натиском холодных капель. Господи, где я? Почему я совершенно голый? Одежда стала совсем сырой, суетливо натянутая рубашка облепила холодным мокрым спрутом моё тело. Нужно вернуться к машине, включить печку.

Босые ноги скользили по мокрой земле. Сколько времени я здесь провёл? Уже почти рассвело, а последнее, что осталось в моей памяти, как выходил из машины на тёмной лесной просеке. Зачем я сюда приехал? У меня что, лунатизм? Помутнения сознания, провалы в памяти? Надо доехать до города, чего-нибудь выпить покрепче, дальше подумаем.

Так, ключ в кармане джинсов. Да, слава Богу, что не выпал где-то в лесу. Ф-ы-р-р-р-к. Мотор ровно заурчал, как будто стараясь успокоить меня, поддержать привычным за долгие годы звуком.

Чёрт как унять эту дрожь? Быстрее бы печка раскочегарилась. На заправке можно будет взять кофе, только гляну-ка сначала на себя, а то, не ровен час, ментов вызовут. Зеркало солнцезащитного козырька на секунду ослепило включившейся подсветкой.

М-да-а-а. Всколоченные волосы, глаза в красной сетке лопнувших сосудов. Обойдусь без кофе, чёрт с ним! Уже почти закрыв козырёк, моя рука вернула его назад. Мочка левого уха в отражении в зеркале была вся в трещинах запёкшейся крови, ещё немного сочащихся от глубокой раны, похожей на порез финским ножом.

И я всё вспомнил. Всё. В мельчайших деталях. И под накрывающей мой разум волной паники, я уже тогда различил пока очень слабый призыв, растущий с каждым днём, с новым мгновением приближения полнолуния. Доводящий до изнеможения, выворачивающий душу, не дающий спокойно спать, протяжный, пугающий дремлющие в небесах звёзды, отголосок воя волчьей стаи.

* * *

– Арсеньев! Таблетки. Открывай рот!

Санитар отодвинул в сторону решётку и расслабленной походкой направился ко мне. Не напрягается, потому что я небуйный. Ну, уже, по крайней мере.

В одной руке у него был бумажный кулёчек с мерзкими кусочками забытья, в другой – сдавленная во многих местах, с жёлтым налётом извести, пластиковая бутылка с водой.

Вы когда-нибудь мечтали стать деревом? Просто торчать сотню лет в одном и том же месте? Испуганно гнуться под порывами злого ветра? Коченеть от мороза зимой? Или бес- сильно наблюдать, как подрывает ваши корни какая-нибудь свинья, не обязательно в прямом своём обликии?

Ещё в первый месяц в психушке я понял – будешь пить таблетки, станешь деревом или ещё чем-то похуже, вроде мебели.

Три ненавистные пилюли. Две жёлтых и одна белая. Высыпал мне в открытый рот. Теперь быстро, пока рука с бутылкой воды поднимается к губам, сдвигаем их языком вниз за зубы. Так. Послушный глоток. Покорных больных не подозревают и не проверяют им рот.

– Молодец. Сигареты надо?

«Блин! Да иди уже быстрее!»

– Нет, Сергей Васильевич. Имеются ещё с утренней раздачи.

Сигареты здесь ходовой товар. Не курить просто не возможно, когда вокруг дымят все абсолютно. Воистину человек – стадное животное. Воистину человечество – животное стадо.

Как только он ушёл, я незаметно выплюнул таблетки на ладонь. Они незаменимы в мест- ном бартере, особенно для алкашей с «белкой». Три таблетки – это шесть сигарет. Табак и пилюли – самая твёрдая валюта в психушке, независимо от цены за баррель нефти. Три сига- реты – сто рублей.

Эта сотня и пойдёт в расход дежурному санитару на Окулиста. Его палата в самом конце коридора, после отсеков «Космонавтов» и «Алкашей». Покорителей космоса тут насто- ящих, конечно, нет. Так называли особо буйных пациентов, спелёнутых в смирительные рубашки, и привязанных к койкам. Наполеоны тоже перестали встречаться. Из "знаменито- стей" за четыре проведённых здесь месяца я видел только Путина, кстати, совершенно непо- хожего на оригинал внешне, но бесподобно точно повторяющего его говор. Был ещё Поттер, который Гарри. Если санитары щёлкали клювами и не находили при шмоне вилку или ложку, он с завидным постоянством обновлял у себя шрам-молнию. Так и ходил вечно с незаживаю- щей раной на лбу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.